

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ КАК ВОЗРАСТНОЙ ОБЩНОСТИ ¹

АМБАРОВА Полина Анатольевна – канд. социол. н., доцент, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. E-mail: borges75@mail.ru

ЗБОРОВСКИЙ Гарольд Ефимович – д-р филос. н., профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. E-mail: garoldzborovsky@gmail.com

Аннотация. Студенческая молодежь рассматривается как специфическая возрастная общность, развитию которой присущи темпоральные характеристики и комплекс темпоральных противоречий. Среди темпоральных характеристик выделяются такие, как расширение возрастных границ студенческой общности, увеличение продолжительности образовательной деятельности, изменение бюджета времени. Показывается, каким образом эти характеристики влияют на возрастные параметры студенчества как социальной общности. В связи с этим раскрывается авторское понимание возраста и возрастной общности. Ставится проблема рассогласования биологического, психологического и социального времени студенчества, проявляющаяся в области физического и сексуального развития, вторичной трудовой занятости, использования времени. Анализируется влияние социальных факторов на динамику биологического, психологического и социального времени студенческой молодежи.

Ключевые слова: студенческая общность, темпоральные характеристики и противоречия, биологическое время, психологическое время, социальное время, возрастная общность, темпоральные стратегии поведения, темпоральное сознание и поведение

Для цитирования: Амбарова П.А., Зборовский Г.Е. Темпоральные характеристики и противоречия студенческой молодежи как возрастной общности // Высшее образование в России. 2016. № 4 (200). С. 72–80.

Студенческая молодежь является объектом самых разнообразных научных интересов. Одни из них реализуются в исследованиях достаточно часто, другие – сравнительно редко. К последним относятся темпоральные (временные) характеристики студенческой молодежи, которые в данной статье будут рассмотрены сквозь призму темпоральных противоречий жизни этой социальной общности.

Традиционно в литературе студенчество описывается как социальная и демографическая группа [1–3], как поколение и когорта [4]. Между тем студенчество является также уникальной *возрастной общностью*, которая характеризуется сложным

комплексом находящихся в противоречивом единстве физических, физиологических, психологических, социально-психологических, культурных и социальных черт. Чаще всего студенчество как возрастная общность изучается демографами и психологами ², а вот социологи незаслуженно обходят вниманием эту тему, равно как и само понятие «возрастная общность».

На наш взгляд, это понятие выступает эвристичной теоретической рамкой, позволяющей выявить темпоральные противоречия, вызванные различиями биологического, психологического и социального времени студенчества. Через призму такого подхода возможно изучение влияния этих

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 16-06-00014 «Время социальной общности: методология и методы исследования стратегий разрешения темпоральных противоречий».

² Впервые понимание студенчества как особой возрастной, социально-психологической группы было предложено Б.Г. Ананьевым в 1960-е гг. [5, с. 3–15].

противоречий на различные стороны жизнедеятельности студенческой общности. Под биологическим временем мы будем понимать эндогенное (внутреннее) время человека, которое находит свое выражение в его биологическом возрасте, стадиях развития в онтогенезе, ритмах и скорости протекания биологических процессов. Психологическое время мы определяем как способ субъективного восприятия, переживания, оценивания человеком внутренних процессов и состояний, а также временных отношений и состояний окружающего мира. Социальное время представляет собой форму и способ жизнедеятельности социального субъекта (индивида, общности, общества), его объективные (и субъективно воспринимаемые) темпоральные и хронологические характеристики и параметры. Социальное время может быть описано, измерено, зафиксировано вполне объективно – как бюджет времени конкретного социального субъекта, способы и условия темпоральной организации его жизнедеятельности (профессиональной, бытовой, досуговой и пр.). Оно также может выражаться в мнениях, оценках, представлениях социальных субъектов, в их эмоциональном восприятии и переживании времени.

Проясним авторскую трактовку используемых понятий. Возрастная общность – это разновидность социальной общности, выделяемая на основе использования такого социально-демографического критерия, как возраст. Поскольку возраст – категория темпоральная, постольку возрастную общность уместно относить к типу темпоральных общностей. Такими общностями можно считать те совокупности (взаимосвязи) людей, критерием (или одним из критериев) выделения которых является наличие темпоральных характеристик.

Проблема научной интерпретации категории возраста заслуживает внимания в рамках отдельной публикации. Ограничимся поэтому лишь кратким определением, от-

вечающим задачам статьи. *Возраст* мы понимаем как этап развития, границы и содержание которого обусловлены взаимосвязью биологических, психологических и социальных темпоральных (временных) характеристик. Тем самым мы пытаемся выйти на междисциплинарную трактовку возраста, которая позволяет лучше, чем узкодисциплинарные подходы, понять природу темпоральных противоречий возрастной общности, в том числе студенчества. Возраст как темпоральный (временной) феномен отражает сложное переплетение биологического, психологического и социального времени его субъекта как на индивидуальном, так и групповом, общностном уровне.

С позиций нашего подхода возрастная общность представляет собой объединение людей, связанных и взаимодействующих между собой на основе схожего биологического, психологического и социального возрастов, особенности и противоречия которых формируются в конкретно-историческом контексте. Это позволяет выделять (идентифицировать) ее в возрастной структуре общества. Мы исходим из понимания неразрывности и противоречивого единства биологического, психологического и социального времени возрастной общности, а также из представления о влиянии этого сложного темпорального комплекса на все стороны и сферы ее жизнедеятельности.

В таком теоретическом контексте мы можем анализировать темпоральные характеристики и противоречия студенческой молодежи как особой возрастной общности. Одной из ее характеристик выступает *протяженность* (длительность) существования, вне фиксации которой социальная общность студенчества не может быть выделена и рассмотрена. Применительно к возрасту этой социальной общности основной единицей измерения выступают годы учебы. Студенчество – это такая возрастная общность, жизнь в которой характеризуется периодом в несколько лет.

Студенческая общность имеет *определенные возрастные границы* – от 17 до 25–30 лет. В связи с введением магистратуры и аспирантуры как ступеней высшего образования верхняя граница возраста студенчества расширяется. Если же относить к нему и тех, кто учится заочно, то возрастные границы этой социальной общности должны быть существенно раздвинуты. Таким образом, студенчество может включать в себя представителей не одного, а двух, возможно, и трех поколений, выходящих за границы молодого возраста. Эта специфическая темпоральная характеристика существенно сказывается на общей образовательной ситуации, в которой разворачивается жизнедеятельность студенчества в определенный момент времени.

Поэтому особого исследовательского внимания, по нашему мнению, заслуживает феномен сочетания на одном курсе, в одной академической группе *разновозрастных групп* студентов-заочников, объединяющих существенно различающихся по возрастным и поколенческим ценностям и ориентациям вчерашних школьников и специалистов с профессиональным стажем и жизненным опытом. Еще больший интерес вызывают аспиранты и магистранты-заочники, в учебных группах которых оказываются только что закончившие вуз студенты-бакалавры, проработавшие три–четыре года специалисты и люди, имеющие за плечами 10–15-летний опыт работы. Увеличение числа подобных групп мы можем с уверенностью прогнозировать на ближайшее будущее, поскольку применительно к претендентам на многие должности сейчас требуется уже не просто высшее образование (бакалавриат), но, как минимум, магистратура, а то и аспирантура. Это касается молодых преподавателей, руководителей школ, организаций здравоохранения, служащих в системе государственного и муниципального управления и многих других категорий занятых, количество которых будет непрерывно расти. Усиление возраст-

ной гетерогенности студенческой общности серьезно влияет на содержание и формы образовательной деятельности, характер взаимодействия между студентами и преподавателями.

Специфической темпоральной характеристикой студенчества является ограничение срока нахождения отдельного индивида в этой общности. Если не брать во внимание феномены непрерывного образования, самообразования и «вечного студента», в большинстве случаев принадлежность к студенческой общности ограничена четырьмя–пятью годами бакалавриата, двумя–тремя годами магистратуры и тремя–четырьмя годами аспирантуры. Заметим, что указанные возрастные границы студенческой общности, будучи ее объективными хронологическими рамками, под влиянием социальных факторов не раз изменялись.

Сегодня наблюдается ситуация, когда для одних групп студенческой общности время получения образования сокращается (в связи с переходом на бакалавриат), а для других, напротив, увеличивается. Мы имеем в виду широкое распространение практик получения второго высшего образования и введение магистратуры и аспирантуры как второй и третьей ступени высшего образования; это растягивает срок пребывания в статусе студента и расширяет верхнюю возрастную границу студенческой общности. Таким образом, трансформация образовательной системы изменяет хронологические границы этой общности, размывает их.

Как видим, темпоральными характеристиками студенчества являются ограниченность по времени пребывания в статусе студента и определенная возрастная структура. Сюда же следует отнести *гетерохронность студенчества*, возраст которого делится на два периода – позднюю юность и раннюю зрелость (по Б.Г. Ананьеву). Эта темпоральная характеристика объясняет переходный характер студенческого

статуса; студенческая молодежь – это переходная общность, находящаяся в ситуации транзита от юности к взрослости. Данным фактом обусловлена специфика социальной позиции этой общности, ее образа жизни, функций в системе общественных отношений. Главная задача молодежи – достижение взрослости – особенно ярко проявляется в студенческой общности.

Меняющиеся темпоральные характеристики студенческой общности вызывают целый комплекс темпоральных противоречий, проявляющихся на общностном уровне. Ряд из них вызван тем, что биологический возраст студентов входит в противоречие с их психологическим и социальным возрастом.

Специалисты в области физиологии и физического развития полагают, что сегодня в отечественной науке отсутствуют какие-либо достоверные статистические данные о физическом состоянии современного российского студента. Все знание этого вопроса сводится к обыденным представлениям о том, что у большинства молодых людей в этом возрасте заканчивается рост костей, наблюдается функциональная зрелость, в том числе высокий уровень выносливости, способность к репродукции без осложнений, выполнению практически всех видов трудовой деятельности и др. Вместе с тем, по мнению исследователей, «на сегодняшний день в России объективно нет единой для всех вузов страны системы оценки физического развития студентов, которая бы основывалась на объективных физиологически ориентированных показателях индивидуального телосложения юношей и девушек» [6, с. 23].

Принято считать, что уже на входе в эту возрастную общность молодые люди, в общем-то, являются биологически зрелыми, потому что под влиянием процесса акселерации к 17–18 годам организм молодого человека достигает половой и телесной зрелости. С одной стороны, в современной литературе приводится достаточное коли-

чество доказательств ускорения биологического времени современного молодого человека, порожденного акселерацией. С другой стороны, проведенные антропометрические исследования показывают наличие серьезных отклонений в физическом развитии российских студентов от физиологической нормы. По данным тульских исследователей, доля гармонично сложенных, физически развитых и функционально тренированных девушек-студенток составляет примерно 9–18%, тогда как среди юношей таковых насчитывается только 7–10%. Примерно половину студентов (от 46 до 54%) исследователи относят к слаборазвитой в физическом отношении группе. Особую тревогу вызывает многочисленность группы детренированных, астеничных и анорексичных студентов (от 37 до 47% по различным показателям) [6, с. 81].

Складывается реальное противоречие: акселерация, наблюдаемая в филогенезе, формирует потенциал быстрого физического и физиологического развития студенческой молодежи, но этот потенциал не может быть реализован в полной мере в силу влияния системы социальных факторов: «гиподинамичной» культуры, неправильной организации учебного процесса, ориентации физической подготовки в вузе не на поэтапное раскрытие и повышение физического потенциала различных групп студентов, а на соревновательность, перенапряжение сил. Сама временная организация учебных занятий наносит серьезный вред гармоничному развитию студентов, когда, например, занятия физкультурой ставятся первыми парами перед аудиторными занятиями, требующими умственной работы, что вызывает интеллектуальное перенапряжение.

Таким образом, биологическое время студенческой общности, объективированное в биологическом возрасте ее представителей, находится под прессингом социальных факторов. Оно ускоряется благодаря улучшению питания, социально-бы-

товых условий, новых лекарственных препаратов и медицинских технологий, преодолению генетической изоляции под влиянием интенсивной и масштабной мобильности и т.д. Однако реализация биологического потенциала ограничивается, сдерживается, табуируется социальными возрастными нормами, ожиданиями и стереотипами старших возрастных общностей.

Названные темпоральные противоречия проявляются в сексуальном, репродуктивном и трудовом поведении студентов. Исследования сексуальной культуры российских студентов, проводимые на протяжении 1990–2000-х гг., четко показывают снижение возраста сексуального дебюта и активной сексуальной жизни [7, с. 279–281]. Эта тенденция обусловлена как значительным ускорением психосексуального и соматосексуального развития подростков, приводящим к ранней сексуальной активности студенческой молодежи [8], так и либерализацией взглядов на раннюю и добрачную сексуальную жизнь. Впрочем, по мнению И.С. Кона, толерантное отношение к добрачным связям характеризовало российское студенчество еще с 1960-х гг. [7, с. 281].

Практически все исследователи сходятся во мнении, что сексуальная сфера большинства представителей студенческой общности связана с рисками, обусловленными сочетанием ранней и активной половой жизни с низким уровнем сексуального здоровья, сексуальной культуры, морально-нравственной ответственности перед партнером, отсутствием матримониальных установок [9]. Очевидно, что она характеризуется рассогласованием соматических, психических и социокультурных процес-

сов, отражающих специфику ее полового развития³.

Темпоральные противоречия приобретают особый характер, когда мы рассматриваем их через призму динамики возрастных социальных норм, бытующих внутри самой общности и во внешнем окружении, представленном более старшими возрастными общностями (родителями, преподавателями, медиками и др.). Исследования показывают, что реализация физических потребностей в сексуальной жизни происходит на фоне давления сформировавшихся в последние годы социальных внутриобщностных норм, формирующих страх отстать от одноклассников в сексуальном вопросе, требующих ускорения сексуального дебюта, увеличения количества партнеров, никак не обусловленного физиологическими потребностями. Вместе с тем очевидным является давление «взрослого» окружения, социальные нормы и ожидания которого в отношении сексуального поведения молодежи хотя и изменяются в сторону большей толерантности, но не так быстро и кардинально, как в молодежной культуре. Опыт западных стран показывает, что снятие табу на сексуальность молодежи (как в поведенческом плане, так и в плане информационном) и включение сексуального сюжета в семейное и – шире – межпоколенческое взаимодействие стабилизирует указанные темпоральные противоречия, снимает зависимость как от внутриобщностных, так и внешних возрастных норм [7, с. 331–332].

В рамках данной статьи мы хотели бы остановиться ещё на одном сюжете – трудовой занятости студентов, рассмотренной сквозь призму темпоральных категорий.

³ Возможно, сам по себе факт временного дисхроноза (рассогласования) в студенческой общности является нормальным проявлением возраста, и есть основания думать, что постепенно дисхроноз биологического, психологического и социального времени сгладится и биологическое развитие придет в соответствие с психологической и социальной зрелостью. Согласно концепции сексуального развития С.Т. Агаркова и Е.А. Кащенко, противоречия между соматическими, психологическими и социокультурными компонентами сексуальности сопровождают сексуальную жизнь людей всех возрастных групп [см.: 9].

Если исключить из рассмотрения группу мотивов, связанных с вынужденной занятостью (в силу отсутствия материальной поддержки со стороны семьи, в том числе в отношении платы за обучение), феномен работающего студента может быть рассмотрен в контексте темпоральной проблематики как стратегия преодоления временного дисхроноза.

Социологические исследования, проведенные в 1990–2000-е гг. как в региональном, так и во всероссийском масштабах, показывают, что примерно половина студентов-очников имеет более или менее постоянную круглогодичную занятость, а половина неработающих студентов хотели бы работать, если бы такая возможность им представилась [2; 10; 11]. Ведущие мотивы занятости: ориентация на материальную независимость, расширение возможностей удовлетворения материальных и духовных запросов, приобретение профессионального опыта – можно интерпретировать как стремление к взрослости и сокращению срока адаптации к социально-экономической ситуации «взрослого» общества. Труд в системе возрастного символизма традиционно связывается со статусом взрослого, зрелого человека. Этим фактом можно объяснить усиление тенденции вторичной занятости российских студентов (в отличие от зарубежной практики, где студенчество работает прежде всего для того, чтобы оплачивать довольно дорогое образование). Среди социологов на эту функцию трудовой занятости студентов обратила внимание С.В. Творогова, которая отмечает: «При принятии решений о совмещении учебы в вузе с работой значимым оказывается не материальное вознаграждение, традиционно рассматривавшееся как основной мотив выхода студентов на рынок труда, но возможность обретения независимости от родителей. Таким образом, трудовая занятость студента является инструментом социализации – освоения роли самостоя-

тельно принимающего решения взрослого» [12, с. 8].

Вторичная трудовая занятость студентов стала в последние годы общепризнанным массовым явлением. Однако такая темпоральная стратегия взросления студенческой молодежи входит в противоречие с институциональными и внеинституциональными барьерами: отсутствием регламентированных условий найма и строго реализуемых социальных гарантий со стороны работодателя, нелегитимностью статуса работающего студента в вузе и негативным отношением к таким трудовым практикам своих детей части родительского сообщества. Все это говорит о нежелании «взрослого» общества открыто признавать право и стремление студенческой молодежи быть самостоятельной и взрослой.

По мнению некоторых исследователей, среди работающих студентов можно выделить группу тех, кто посредством трудовой занятости во время обучения в вузе реализует жизненную стратегию развития (примерно 42% опрошенных) [11, с. 16]. Эти студенты целенаправленно выбирают работу, предполагающую определенную квалификацию, предоставляющую перспективы для будущей карьеры. В фокус их внимания попадают сферы деятельности и должности, которые позволят им вырасти не только в профессиональном, но и в личностном плане. Они предпочитают официально оформлять трудовые отношения и требуют достойной заработной платы. Все вышеперечисленные черты трудового поведения говорят о зрелом характере самоопределения и адекватном планировании жизненного пути этой группой студентов. На наш взгляд, рассмотренная стратегия преодоления темпорального дисхроноза для студенческой молодежи является конструктивной.

Важной темпоральной структурой, характеризующей временной профиль студенческой общности, является бюджет времени, который показывает специфику

и противоречия социального времени студенчества. Ведь одним из признаков взрослости считается возможность и умение распоряжаться собственным временем. В студенческом возрасте практически исчезает родительский контроль за использованием как учебного, так и внеучебного времени. Несмотря на это, определенная часть студенчества в полной мере этим ресурсом так и не овладевает. Наше собственное исследование показало, что в большинстве случаев студенты достаточно свободны в управлении бюджетом времени: 89% опрошенных студентов имеют возможность самостоятельно им распоряжаться. Между тем мы обнаружили, что умения и навыки управления временными ресурсами (как в повседневной жизни, так и в выстраивании жизненной перспективы) у студентов далеко не совершенны [13]. Эти выводы подтверждаются исследованиями других ученых [14; 15].

По нашему мнению, это противоречие, проявляющееся и в темпоральном сознании, и темпоральном поведении студентов, мешает реализации главной задачи, стоящей перед студенческой молодежью, а именно – переходу к взрослости. Умение четко ставить цели и выработать стратегию и тактику их достижения основывается на оптимальном использовании различных темпоральных ресурсов: возраста (запаса лет), способности к быстрой адаптации (физиологической, психологической, социокультурной) к изменениям «текучей» современности, темпоральной мобильности (способности к быстрым переходам от одного вида деятельности к другому), умения рационально конвертировать время в другие виды человеческого и социального капитала и т.д. В связи с этим неслучайна постановка проблемы формирования высококонкурентного выпускника вуза, в программу подготовки которого заложено воспитание культуры времени [15; 16].

Завершая статью, отметим, что в ее рамках мы пытались поставить проблему тем-

поральных противоречий студенческой молодежи в разрезе ее биологического, психологического и социального времени и затронуть некоторые наиболее очевидные ее аспекты. Это позволяет сформулировать некоторые важные выводы.

1. В современных условиях в общности студенческой молодежи усиливается противоречие между ранним взрослением по одним показателям и инфантильностью по другим. Мы видим в этом отражение усиливающегося дисхроноза между биологическим, психологическим и социальным временем рассматриваемой общности.

2. Выявленный дисхроноз развивается не в логике линейного запаздывания (временного лага), а имеет характер нелинейных ускорений и замедлений на уровне всех трех видов времени студенческой общности. Это усложняет динамику времени студенческой молодежи, затрудняет понимание темпоральных противоречий, которые сопровождают процессы ее самоопределения, адаптации, выстраивания жизненных стратегий.

3. Взгляд на особенности студенчества как возрастной общности сквозь призму темпоральности составляет не единственный, но один из важнейших подходов к исследованию социальных проблем современного российского студенчества. Он обогащает междисциплинарную методологию их изучения и информационную базу для разработки различных социальных технологий развития этой возрастной общности.

Литература

1. Вишневский Ю.Р., Шапко В.Т. Социология молодежи. Екатеринбург: Изд-во УГТУ–УПИ, 2006. 430 с.
2. Константиновский Д.А., Вознесенская Е.А., Чередниченко Г.А. Молодежь России на рубеже XX–XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие. М.: ЦСП и М, 2014. 548 с.
3. Кон И.С. Молодежь // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 384–385.

4. Семенова В.В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М.: РОССПЭН, 2009. 271 с.
5. Аманьев Б.Г. К психофизиологии студенческого возраста // Современные психолого-педагогические проблемы высшей школы. Вып. 2. Л.: ЛГУ, 1974. С. 3–15.
6. Грязева Е.Д., Жукова М.В., Кузнецов О.Ю., Петрова Г.С. Оценка качества физического развития и актуальные задачи физического воспитания студентов. М.: ФЛИНТА; Наука, 2013. 168 с.
7. Кон И.С. Сексуальная культура в России. Клубничка на березке. М.: Айрис-пресс, 2005. 448 с.
8. Дерягин Г.Б. Сексуальное поведение молодежи в России. [Электронный ресурс]. URL: <http://1sexology.ru/issledovaniya-seksualnosti/> (дата обращения 06.01.2016).
9. Кащенко Е.А., Азарков С.Т. Сексуальность в цивилизации: социогенез сексуальности. Воронеж: Научная книга, 2011. 600 с.
10. Ворона М.А. Мотивы студенческой занятости // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 106–115.
11. Константинова Е.Б. Вторичная занятость студентов как фактор формирования жизненных стратегий: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2006. 22 с.
12. Творогова С.В. Трудовая занятость как фактор накопления человеческого и социального капитала студентов в постсоветской России: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2003. 20 с.
13. Амбарова П.А., Зборовский Г.Е. Время в жизни студента глазами социолога // Высшее образование в России. 2014. № 12. С. 48–55.
14. Бохан Т.Г., Алексеева Л.Ф., Шабаловская М.В., Морева С.А. Трансформация временной перспективы студента в процессе обучения в вузе // Высшее образование в России. 2014. № 10. С. 50–55.
15. Резник С.Д. Кто научит студента жить? // Высшее образование в России. 2015. № 1. С. 146–151.
16. Амбарова П.А., Зборовский Г.Е. Образовательные ресурсы управления темпоральными стратегиями поведения студентов // Университетское управление: практика и анализ. 2014. № 3. С. 8–18.

Статья поступила в редакцию 08.01.15

TEMPORAL CHARACTERISTICS AND CONTRADICTIONS OF STUDENT YOUTH

AMBAROVA Polina A. – Cand. Sci. (Sociology), Assoc. Prof., Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia. E-mail: borges75@mail.ru

ZBOROVSKY Garold E. – Dr. Sci. (Sociology), Prof., Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin Ekaterinburg, Russia. E-mail: garoldzborovsky@gmail.com

Abstract. Student youth is considered as a specific age community. Its development has inherent temporal characteristics and complex temporal contradictions. Among the temporal characteristics the authors mark out the extension of the age limits of student community, increasing the duration of educational activity, change of time budget. The paper shows how these characteristics affect the age parameters of students as a social community. In this connection the article reveals the author's understanding of age and age community. The problem is the discrepancy between students' biological, psychological and social time manifested in physical and sexual development, secondary employment, time use. The paper examines the influence of social factors on the dynamics of students' biological, psychological and social time.

Keywords: student community, temporal characteristics and contradictions, biological, psychological, social time, age community, temporal behavior strategies, temporal consciousness and behavior

Cite as: Ambarova, P.A., Zborovsky, G.E. (2016). [Temporal Characteristics and Contradictions of Student Youth]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. No. 4 (200), pp. 72–80. (In Russ., abstract in Eng.)

References

1. Vishnevskii, Yu.R., Shapko, V.T. (2006). *Sociologiya molodezhi* [Sociology of Youth]. Ekaterinburg: UGTU–UPI Publ., 430 p.
2. Konstantinovskii, D.L., Voznesenskaya, E.D., Cherednichenko, G.A. (2014). *Molodezh' Rossii na rubezhe XX–XXI vekov: obrazovanie, trud, social'noe samochuvstvie* [Russian Youth at the Turn of XX–XXI Centuries: Education, Employment, Social Well-being]. Moscow: CSP i M Publ., 548 p.
3. Kon, I.S. (1983). [Youth]. *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary], Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., pp. 384–385. (In Russ.)
4. Semenova, V.V. (2009). *Social'naya dinamika pokolenii: problema i real'nost'* [Social Dynamics of Generations: the Problem and the Reality]. Moscow: ROSSPJeN Publ., 271 p.
5. Anan'ev, B.G. (1974). [To the Question of Student–Age Psychophysiology]. *Sovremennye psikhologo-pedagogicheskie problemy vysshey shkoly* [Modern Psychological Problems of Higher School]. Vol. 2. Leningrad: LGU Publ., pp. 3–15. (In Russ.)
6. Gryazeva, E.D., Zhukova, M.V., Kuznetsov, O.Yu., Petrova, G.S. (2013). *Otsenka kachestva fizicheskogo razvitiya i aktual'nye zadachi fizicheskogo vospitaniya studentov* [Assessment of the Physical Development Quality and Challenges of Students' Physical Training]. Moscow: FLINTA Publ.; Nauka, 168 p.
7. Kon, I.S. (2005). *Seksual'naja kul'tura v Rossii. Klubnichka na berezke* [Sexual Culture in Russia. Strawberry on a Birch]. Moscow: Airis-Press Publ., 448 p.
8. Deryagin, G.B. *Seksual'noe povedenie molodezhi v Rossii* [The Sexual Behavior of Young People in Russia]. Available at: <http://1sexology.ru/issledovaniya-seksualnosti/> (accessed 06.01.2016) (In Russ.)
9. Kashchenko, E.A., Agarkov, S.T. (2011). *Seksual'nost' v civilizacii: sociogenez seksual'nosti* [Sexuality in Civilization: Sociogenesis of Sexuality]. Voronezh: IPC «Nauchnaya kniga», 2011. 600 p.
10. Vorona, M.A. (2008). [The Motives of Student Employment]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Researches]. No. 8, pp. 106–115. (In Russ.)
11. Konstantinova, E.B. (2006). *Vtorichnaya zanyatost' studentov kak faktor formirovaniya zbiznennykh strategii*. Diss. [Secondary Employment of Students as the Factor of Formation of Life Strategies. Cand. Diss.]. Ekaterinburg, 22 p.
12. Tvorogova, S.V. *Trudovaya zanyatost' kak faktor nakopleniya chelovecheskogo i sotsial'nogo kapitala studentov v postsovetskoj Rossii*. [Employment as a Factor in the Accumulation of Human and Social Capital of Students in Post-Soviet Russia. Cand. Diss.]. Moscow, 2003. 20 p.
13. Ambarova, P.A., Zborovskiy, G.E. (2014). [The Time in the Student's Life Through the Eyes of a Sociologist]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. No.12, pp. 48–55. (In Russ., abstract in Eng.)
14. Bokhan, T.G., Alekseeva, L.F., Shabalovskaya, M.V., Moreva, S.A. (2014). [Transformation of Temporary Prospect of a Student in the Course of Training in Higher Education Institution]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. No. 10, pp. 50–55. (In Russ., abstract in Eng.)
15. Reznik, S.D. (2015). [Who Will Teach a Student to Live?]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. No. 1, pp. 146–151. (In Russ., abstract in Eng.)
16. Ambarova, P.A., Zborovskiy, G.E. (2014). [Educational Resources of Managing Students' Temporal Behavior Strategies]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz* [University Management: Practice and Analysis]. No. 3, pp. 8–18. (In Russ., abstract in Eng.)

The paper was submitted 08.01.16.